

*Из сборника
«Часы досуга»*

К Д...

Когда я прижимал тебя к груди своей,
Любви и счастья полн
и примирен с судьбою,
Я думал: только смерть нас разлучит с тобою;
Но вот разлучены мы завистью людей!
Пускай тебя навек, прелестное создание,
Отторгла злоба их от сердца моего;
Но, верь, им не изгнать твой образ из него,
Пока не пал твой друг
под бременем страданья!
И если мертвецы приют покинут свой
И к вечной жизни прах
из тленья возродится,
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нет рая для меня, где нет тебя со мной!

Перевод А. Плещеева

К Э...

Пускай глупцы с неодобреньем
Над нашей дружбою острят.
Почту я доблесть уваженьем
Скорей, чем пышность и разврат!

И если так судьба решила,
Что я рожден тебя знатней, —
Не в знатном роде, друг мой, сила,
Ценнее клад в груди твоей.

Союз живой для нас приятен,
Он не унизит честь мою;
Хоть мой достойный друг не знатен,
Не меньше я его люблю.

Перевод С. Ильина

ОТРЫВОК, НАПИСАННЫЙ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЗАМУЖЕСТВА МИСС ЧАВОРТ

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Анслейские холмы!

Бушующая, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест,
где сердце так любило

Часами отдыхать,
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблестать.

Перевод А. Блока

НА СМЕРТЬ КУЗИНЫ АВТОРА, ДОРОГОЙ ЕГО СЕРДЦУ

Стих ветерок... не тронет тишь ночную;
Зефир в лесах не шевелит листья;
Я на могилу вновь иду родную;
Я Маргарите вновь несу цветы...
Там прах ее печальный холодеет,
А жизнь давно ль ключом кипела в ней...
Царь тьмы теперь добычею владеет,
Ничто его не избежит когтей.
Когда б знавал царь грозный сожаленье,
Когда б решенье рок менял свое,
Печальное здесь не звучало б пенье,
И муза здесь не славилась б ее...
Не нужно слез. Ее душа святая
В сиянье дня небесного парит,
И ангелы ее по стогнам рая
Ведут туда, где радость лишь царит.
Судить ли нам благое Провиденье?
Роптать ли нам в безумии своем?
Нет, никогда! Прочь, дерзкое сомненье,
Я в прах готов упасть перед Творцом!

Но образ жив ее души кристальной,
Не умерли прелестные черты,
Она — родник моей слезы хрустальной,
О ней мои все лучшие мечты...

Перевод С. Ильина

ПРИ ВИДЕ ИЗДАЛИ ДЕРЕВНИ И ШКОЛЫ В ГАРРОУ-НА-ХОЛМЕ

Oh mihi praeteritos referat si
Juppiter annos!
*Vergilius**

О детства картины! С любовью и мукой
Вас вижу, и с нынешним горько сравнить
Былое! Здесь ум озарился наукой,
Здесь дружба зажглась, чтоб
недолгою быть;

Здесь образы ваши мне вызвать приятно,
Товарищи-друзи веселья и бед;
Здесь память о вас восстает благодатно
И в сердце живет, хоть надежды уж нет.

Вот горы, где спортом мы тешились славно,
Река, где мы плавали, луг, где дрались;
Вот школа, куда колокольчик исправно
Сзывал нас, чтоб вновь
мы за книжки взялись.

* О, если бы Юпитер вернул мне ушедшие
годы! Вергилий (*лат.*)

Вот место, где я, по часам размышляя,
На камне могильном сидел вечером;
Вот горка, где я, вокруг погоста гуляя,
Следил за прощальным заката лучом.

Вот вновь эта зала, народом обильна,
Где я, в роли Занги, Алонзо топтал,
Где хлопали мне так усердно, так сильно,
Что Моссопа славу затмить я мечтал.

Здесь, бешеный Лир, дочерей проклиная,
Гремел я, утратив рассудок и трон;
И горд был, в своем самомнении мечтая,
Что Гаррик великий во мне повторен.

Сны юности, как мне вас жаль!

Вы бесценны!

Увянет ли память о милых годах?

Покинут я, грустен; но вы незабвенны:

Пусть радости ваши цветут хоть в мечтах.

Я памятью к Иде взываю всё чаще;

Пусть тени грядущего Рок развернет —

Темно впереди; но тем ярче, тем слаще

Луч прошлого в сердце печальном блеснет.

Но если б средь лет, уносящих стремленьем,
Рок новую радость узнать мне судил, —
Ее испытав, я скажу с умиленьем:
«Так было в те дни, как ребенком я был».

Перевод Н. Холодковского

К МЭРИ, ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЕЕ ПОРТРЕТА

Твоей красы здесь отблеск смутный, —
Хотя художник мастер был, —
Из сердца гонит страх минутный,
Велит, чтоб верил я и жил.

Для золотых кудрей, волною
Над белым вьющихся челом,
Для щечек, созданных красою,
Для уст, — я стал красы рабом.

Твой взор, — о нет! Лазурно-влажный
Блеск этих ласковых очей
Попытке мастера отважной
Недостижим в красе своей.

Я вижу цвет их несравненный,
Но где тот луч, что, неги полн,
Мне в них сиял мечтой блаженной,
Как свет луны в лазури волн?

Портрет безжизненный, безгласный,
Ты больше всех живых мне мил
Красавиц, — кроме той, прекрасной,
Кем мне на грудь положен был.

Из сборника «Часы досуга»